

Братья ШВАЛЬНЕРЫ

T-34

и другие рассказы о войне

18+

Братья Швальнеры

Т-34 и другие рассказы о войне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43761415

SelfPub; 2019

Аннотация

Фильм «Т-34» заканчивается описанием жизни героев в послевоенном Союзе – война позади, все хорошо, все счастливы. Только так ли это было на самом деле, учитывая, что история о «сбежавшей тридцатьчетверке» – чистая правда? Братья Швальнеры утверждают обратное. Все члены экипажа сразу же были арестованы как власовцы и даже бежали из заключения... Впрочем, не только эта тайна останется белым пятном в истории войны. Правду о Катынском расстреле, о блокаде Ленинграда, о деятельности заградительных отрядов и о многом другом вы узнаете из книги, которую держите в руках.

Содержание

«Т– 34»	4
В тылу врага	38
Конец ознакомительного фрагмента.	71

«Т– 34»

10 июля 1944 года, Москва, СИЗО «Лефортово»

«Я, гвардии лейтенант Николай Ивушкин, будучи бойцом 20 армии Западного фронта и командиром танкового экипажа боевой машины «Т– 34» во время битвы за Москву в ноябре 1941 года, в результате отражения танковой атаки эскадрильи 11 танковой дивизии вермахта во главе с гауптманом Клаусом Ягером, вместе с механиком– водителем моего экипажа Степаном Василенком оказался в немецком плену. На протяжении следующих трех лет совершил семь попыток к бегству из различных лагерей для военнопленных, в которые меня перемещали в целях предотвращения дальнейших побегов. Несмотря на применение ко мне физической силы, ни в одном из лагерей я не назвал своего имени и звания. В связи с этим весной 1944 года был направлен в лагерь смертников SIII в Тюрингию для уничтожения. Там я встретил остарбайтер– переводчицу Анну Ярцеву, к которой у меня возникла симпатия. В это же время уже знакомый мне Клаус Ягер, получивший звание полковника, прибыл в лагерь, узнав о моем перемещении туда. Он вступил в диалог со мной, из которого я узнал, что мастерство советских танкистов решено вермахтом использовать в качестве опытного примера на учениях с танкистами немецкими. В

этих учениях было предложено участвовать мне и тем русским из числа перемещенных в лагерь военнопленных, которых я выберу. Я отказался, но в дальнейшем Ягер в моем присутствии стал угрожать жизни Ярцевой, что заставило меня принять его предложение. Для участия в учениях я выбрал рядового Ионова в качестве командира орудия, рядового Демьяна Волчека в качестве наводчика и случайно оказавшегося в том же лагере Степана Василенка в качества механика— водителя.

Для участия в учениях, которые должны были проходить на учебном полигоне недалеко от лагеря, нам был предоставлен танк «Т— 34— 85», во время восстановительных работ в котором мы обнаружили несколько боевых снарядов. После этого нами было принято решение бежать с полигона. Сделать это мы могли только путем лобовой атаки немецкой эскадрильи, через главные ворота, поскольку площадь вокруг полигона была усеяна минами. В назначенный день мы, воспользовавшись дымовой завесой, рассеяли внимание врага и начали атаку танковой эскадрильи силами имеющегося в нашем распоряжении вооружения, что позволило быстро выйти за пределы учебного поля и направиться к границам протектората Богемии и Моравии, где уже велись боевые действия силами РККА.

В это время товарищ Ярцева выкрала из кабинета Ягера в лагере карты местности и размещения стратегических сил противника и под ложным предлогом покинула территорию

III. Мы встретились с ней у ближайшей к лагерю автобусной станции, после чего продолжили следование в сторону Чехословакии через лесные массивы. На протяжении пути следования мы несколько раз принимали бой от танковых сил противника, включая эскадрилью самого Ягера, пустившуюся за нами в погоню. Однако, всякий раз нам сопутствовала удача, которая, вкупе с отличными боевыми навыками всех членов экипажа, позволила на третий день пути выйти на территорию Чехословакии, на границе которой нами был оставлен наш танк. Данное решение было принято, исходя из тактической трудности передвижения на броне и в целях недопущения случайного повреждения движущейся машины, в том числе с воздуха, силами противника. По прибытии на территорию СССР все члены экипажа были представлены к государственным наградам...»

Следователь Генеральной прокуратуры СССР Лев Романович Шейнин сидел в здании СИЗО «Лефортово» и читал написанную собственноручно автобиографию арестованного лейтенанта Николая Ивушкина, которого ему предстояло сейчас допросить. Все здесь было верно – и то, что он попал в плен, и то, что пытался бежать, и то, что совершил воистину чудесный прорыв сквозь линию немцев на советском танке. Вот только в плену он пробыл слишком долго, почти всю войну, и тем подписал себе приговор. По тем временам этого было достаточно, чтобы арестовать человека и обвинить в предательстве. С ним так и произошло. В глубине души

видавший виды Шейнин не до конца верил в его измену, но Абакумов был в этом убежден. История о побеге «тридцатьчетверки» дошла до Москвы быстро – быстрее, чем освободившийся из плена Коля Ивушкин успел доехать до своего дома в Орле. Там его арестовали через неделю после приезда и сразу, ничего не объясняя и ни во что не посвящая, направили в распоряжение НКГБ. Минуту спустя он уже будет сидеть перед Шейниным в подвале, где обычно проводят допросы подстражных обвиняемых, все еще не понимая мотивов притащивших его сюда людей.

– Видите ли, – будет говорить Шейнин, – в распоряжении следственных органов имеются сведения о том, что 90 процентов всех русских пленных на территории Германии добровольно перешли на сторону гитлеровцев. Было создано военизированное формирование под названием «Русская Освободительная Армия» под командованием пленного генерала Власова, которое состояло из попавших в окружение солдат и офицеров РККА и принимало участие в боевых действиях на стороне рейха. На захваченных территориях они вели агитацию среди населения, дискредитировали Советскую власть и лично товарища Сталина, обещали привилегии всем, кто перейдет на сторону захватчика. А иной раз – даже казнили партработников и партизан! А вы под Москвой сражались в составе армии, которой как раз– таки командовал генерал Власов!

– Но я его никогда в глаза не видел – ни до плена, ни в

плону, ни после освобождения. Я даже не знаю, как он выглядит!

– Это возможно. Но повод – пусть небольшой – есть. Повод подозревать вас в причастности к деятельности антисоветских оккупационных формирований коллаборационистов. Между прочим, остатки этой власовской «армии» до сих пор действуют и создают угрозу для наших войск. Пусть незначительную, но угрозу!

– И что? Поэтому надо всех, кто был в плену, грести под одну гребенку и обвинять голословно?

– Конечно, нет. Я же сказал, что речь идет о девяноста процентах. Оставшиеся 10 из плена бежали, и к ним никаких претензий нет...

– Я тоже бежал. 7 раз за три года.

– Бежал, бежал и не добежал. Все три года только и делали, что бегали? Больше вообще ничем не занимались?

– О чем вы?

– Ну, между побегами...

– Да вы хоть понимаете, что такое «бежать из плена»?! – закипел Ивушкин. – Я читал, что во время Первой мировой немцы отпускали военнопленных из лагерей под честное слово, они бежали – и все равно их ловили.¹ А с той системой охраны, которая существовала в Тюрингии, в сердце рейха,

---

¹ Кантор, Юлия Зораховна. Тухачевский. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 440 с. – (Жизнь замечательных людей; вып. 1692 (1492)). – ISBN 978–5–235–03730–4.

даже шаг вправо или влево сделать было нельзя!

– Понимаю, что трудно, – спокойно отвечал следователь. – Но ведь 10 процентов все же смогли это сделать. Война есть война, там всегда трудно и тяжело, да и противник попался подготовленный и жестокий. Но некоторые смогли. А некоторые – как вы, например, – нет. А на какой улице живет слово «не могу»?

Ивушкин округлили глаза.

– Не знаю.

– На улице «не хочу»! – рявкнул следователь. – Кто хочет, тот ищет возможности, а кто не хочет – причины, среди которых охрана, страх за свою жизнь, боязнь наказания, а может, и неуверенность в победе Красной Армии!

– Вы бросаетесь предположениями, а в то же время их нельзя положить в основу обвинительного приговора... Вы говорите, что солдаты Власова убивали на полях сражений и на оккупированных территориях. Но ведь я – то не убивал! Я из лагеря в жизни никуда не выходил. Да, было, предпринимал попытки бегства, но неудачные... Так какое отношение я имею к предателям? Да и до агитации меня бы никто не допустил, у них для этого свои борзописцы были...

– Ну что вы, никто вас голословно не обвиняет, – осадил нрав блюститель порядка. – Конечно, вы не принимали участие ни в агитации, ни в уничтожении наших людей. Но почему – то именно вам Ягер поручил участие в совместных учениях с солдатами вермахта, именно вам доверил управ-

лять танком. Если бы он сомневался в вас, то на пушечный выстрел вас бы не подпустили ни к полигону, ни к чешской границе.

– Я... не могу отвечать за его действия... Единственное, что я знаю – это то, что меня он считал крупным специалистом в области танковой техники и ведения ближнего боя. Потому поручил участие в штабных учениях именно мне... Будь в его распоряжении пленный танковый генерал, поверьте, я бы уже давно жарился в лагерной печи...

– Допустим. Допустим, он признал в вас крупного специалиста и будущего маршала бронетанковых войск. Но ведь за всю войну вы принимали участие только в одном танковом сражении – тогда, во время битвы под Москвой? Достаточно ли этого, чтобы говорить о каком бы то ни было профессионализме?

– Не знаю. Ягеру было виднее.

– Ошибаетесь. Виднее мне. Такой профессионал, как полковник Ягер не мог не понимать, что в танках вы понимаете как заяц в геометрии.

– Зачем же я ему понадобился на учениях?

– Чтобы инсценировать побег. Потом выпустить вас через границу и забросить в СССР, в самый тыл.

– Но зачем?! И почему именно я?

– Во-первых, у вас биография подходящая. Столько побегов – кстати, возможно, нарисованных, которых и не было в действительности, – сложные отношения с командовани-

ем лагеря, героические обстоятельства пленения... Во— вторых, попав в СССР, вы, по расчетам командования вермахта, сразу бы получили звезду Героя, танковый экипаж и ринулись бы на передовую. С такой, опять же, биографией и, как вы сами говорите и что подтверждается «побегом» с тренировочного полигона, высокой квалификацией танкиста проникнуть в святая святых важнейших наступательных операций — раз плюнуть. Вот и все, дело сделано. Вербовать никого не надо, искать генералов— предателей не надо, все можно и так узнать. Через лейтенанта. Но какого лейтенанта! Вроде бы и незаметен, а в действительности — величина, ни дать ни взять...

— Странно.

— Что странно?

— Если вам верить, все было спланировано и разыграно как по нотам, но почему тогда Ягер погиб во время проведения учений? И погиб не от чего—нибудь, а от моего осколочного снаряда?

— Ну, это просто. Во— первых, мы не знаем, точно ли он погиб, возможно, это тоже выдумка абвера. А во— вторых, никто не застрахован от случайностей даже при выполнении стопроцентно верного дела. Вы немного не рассчитали, он не принял мер предосторожности — а в итоге все опять—таки на руку командованию вермахта, так как создает видимость реального побега!

— Вам бы книжки писать, — усмехнулся Ивушкин.

– А я и пишу, – насупился следователь. – Про то, как советский народ борется с немецко– фашистским захватчиком и его прихвостнями, оборотнями. Среди которых вы и такие, как вы...

– Вы снова пускаетесь в предположения, которые...

– ...да, да, я знаю, к делу не пришьешь. Но вот признание пришить можно. Согласно доктрине советского уголовного процесса, именно признание является царицей доказательств!

– Вы так убеждены в том, что я признаюсь в том, чего не совершал?

– Думаю, да. У нас для вас есть козырь, который вам крыть будет нечем.

– Какой же?

– Всему свое время. Пока подумайте и примите решение добровольно – попались, имейте мужество сознаться. Ведь, когда этот козырь будет на столе, ставка будет уже совсем другой, и положение ваше будет менее выгодным, чем сейчас.

– Угрожаете?

– Предупреждаю и предлагаю пораскинуть мозгами. Недолго. До завтра. И подумать о том, что больше половины от таких перебежчиков, как правило, отказывающиеся сотрудничать со следствием жизнь заканчивают пулей в лоб. Тот, кто поумнее, выбирает жизнь – в самом суровом лагере лучше, чем на том свете. Хотя... утверждение спорное. От-

туда ведь пока никто не возвращался.

Хохоча и радуясь собственному остроумию, следователь покинул кабинет и велел вернуть Николая в камеру.

В этот же день, здание НКГБ на Лубянке

Супругу и боевого товарища Николая – Анну Ярцеву – арестовали днем позже. Ей вменялось то же самое, но местным органам наркомат запретил информировать арестованную – они там, на месте, не верили в обоснованность обвинений и питали к этой, во всех смыслах героической, девушке возвышенные чувства. Могли дать слабинку и отпустить. Потому им вообще запретили с ней о чем–нибудь разговаривать. Все должны были объяснить в Москве.

Участь объяснять выпала помощнику Шейнина, следователю Никитину – сам Лев Романович был занят «главарем», и потому не имел на нее времени. Решено было допросить ее в тот же день, что и Николая.

– Я хочу знать, за что меня арестовали?! – переступив порог кабинета, начала с нападения Аня. Она все еще верила в то, что произошло какое–то досадное недоразумение, и все еще станет на свои места – героиню войны не могут просто так взять и бросить за решетку.

– Ишь ты, какая быстрая, – усмехнулся следователь в майорской форме, затягиваясь папиросой. – Погоди, всему свое время. Только вот дурочку валять передо мной не надо – ду-

маешь, поди, просто так тебя в Москву, в центральный аппарат НКГБ притащили?!

– Ошибки со всеми случаются, а только героиню войны вы не имеете права...

– Ой– ой– ой! Гляньте на нее! Героиня, фу, ты– ну, ты. В чем же твое геройство проявилось? В том, что через линию фронта не побоялась перейти под немецким крылышком, чтобы потом здесь же, на родине палки в колеса вставлять?! Диверсии организовывать?! Шпионить?!

– О чем вы говорите... Я два года в немецком плену была, едва там не погибла, а вы...

– Ты не юли. Правду лучше сразу. Так хоть надежда есть на то, что к стенке не поставят. А в противном случае я ни за что ручаться не могу...

Аня все еще пребывала в недоумении, когда дверь отворилась, и на пороге появился высокий, статный человек со строгим выражением лица и в форме генерал– полковника. Следователь вскочил из– за стола и вытянулся во фрунт.

– Здравия желаю, товарищ нарком! – отчеканил он.

Ничего не отвечая, гость прошел вглубь кабинета и остановился у окна. Проходя мимо Ани, он смерил ее презрительным и в то же время глубокомысленным взглядом.

– Вы... нарком? – робко спросила Аня. – Вы товарищ Абакумов?

– Я нарком, – бросил он.

– Тогда... я должна сделать заявление...

– Я за этим сюда и пришел.

– Понимаете, товарищ нарком, – лепетала она. – Здесь творится беззаконие. Мы с товарищами совершили побег из немецкого плена. Прорвались к своим через освобожденную Чехословакию. А меня здесь обвиняют в предательстве, в измене! В том, чего я никогда не совершала и о чем даже помыслить не могла. Как же это так, товарищ нарком?!

– Ну раз обвиняют, значит, есть основания. Не думали об этом?

– О чем? – ошарашенно спросила она.

– Ну вот, например, о том, когда вы бежали из плена?

– Я же сказала, летом 44– го...

– А попали в плен когда?

– В 42– ом.

– Так. Что два года делали? Что мешало в течение этих двух лет бежать, учитывая, что в плен вы попали и долго находились на территории СССР?

– Но тогда территория была захвачена немцами... Я была без сознания длительное время, а потом меня угнали в рейх...

– Допустим. Кем вы работали в концлагере в Тюрингии?

– Я была остарбайтером. Переводчиком. Ну еще мелкие хозяйственные работы выполняла.

– Так. Тяжелых работ не выполняли?

– Нет, у меня здоровье слабое. Немцы всех проверяли при поступлении, врачебными комиссиями осматривали. Их ин-

тересовали здоровые люди, на них можно было ставить опыты. А такие как я... Да и переводчиков на русский у них не было, а русских пленных в лагере было полно.

— Может, вас там изнасиловали? Может, вы, как и многие советские женщины с некогда оккупированных территорий, ребенка ждете от немецкого солдата?

— Ой, Господи, — горько улыбнулась Аня. — Да разве я им нужна была? У них целые бордели для солдат были устроены, так что...

— Ну это вы со своей колокольни так рассуждаете. А теперь войдите в наше положение. Два года в плену без единой царапины находится женщина. Немцы к ней не пристают, не насилюют, тяжелых работ не поручают, она работает на правах капо, сотрудничая с аднаркомацией концлагеря. И вдруг ее сравнительно спокойно, вместе с тремя ее товарищами, немцы пропускают через линию фронта. Как прикажете нам реагировать?

Аня вдруг с ужасом поняла, что не найдет поддержки в лице этого иезуита, но обида за только что рухнувшую справедливость продолжала бушевать в ней и проситься наружу.

— Но я... я не виновата... мы побег совершили, как настоящие солдаты... а тут... наверное, товарищ Сталин не знает...

— Ишь ты! — всплеснул руками Абакумов и рассмеялся. — Ну конечно, лучшая защита — нападение. Как вышка замаячила перед носом, так сразу про товарища Сталина вспом-

нила! Только я и без товарища Сталина тебя и твоих поделеньчиков – шпионов неудавшихся – к стенке поставлю! Я...

Он не успел договорить – зазвонил телефон. Следователь взял трубку и вскоре передал ее наркому – звонили из Кремля. Как видно, Сталин был настолько вездесущ, что явился по первому же ее призыву.

– Так точно, товарищ Сталин, приходится самому допрашивать. Сейчас основные силы мы бросили на фронт, там кругом лазутчики, так что оперативной работой весь центральный аппарат занимается... Никак нет, товарищ Сталин, не забыл. Думаю, скоро начнем операцию... Нет, нам удалось завербовать достаточно многих. Людвиг Бек, Штауффенберг, адмирал Канарис, бывший посол в СССР Шуленбург. Все они Гитлера ненавидят и готовы как можно скорее свернуть боевые действия... Да, технически тоже все готово – думаю, будет бомба... Нет, прямо там, в «Вольфсшанце». Один взрыв и готово, нет негодяя. А уж потом мы им все договоренности 39-го года припомним... Есть, товарищ Сталин! Буду докладывать ежедневно!

Положив трубку, Абакумов смерил допрашиваемую самодовольным взглядом.

– Слыхала? Сам товарищ Сталин звонит, интересуется, как у нас идет работа со шпионами. Ну ничего, скоро и вам, и вашим немецким хозяевам конец придет. Слышала, наверное, что докладывал? Со дня на день с Гитлером мы покончим. Взлетит на воздух он и его клика, и тогда поймете вы,

что бесполезно и бессмысленно с нами воевать и даже думать об этом. Тогда наперебой вспоминать станете свою «трудовую биографию». Вот только нужна ли она нам будет тогда, когда война закончится? Подумай. Дорога ложка к обеду.

Повернувшись к следователю, Абакумов бросил:

– Ты вот что. Если она не одумается, тащи ее к их главарю, Ивушкину. Он все равно больше всех знает, с ним и надо работать плотнее. Припугни его, что порвешь ее на куски, а надо – и порви. Пусть понимает, что сам виноват в том, что происходит с его экипажем. Глядишь, не она, так он поумнеет, а нам того и надо – он ведь у них главарь, и знает больше всех. В общем, действуй по обстоятельствам...

13 июля 1944 года, СИЗО «Лефортово»

Шейнин взял выходной, и сегодня Ивушкина предстояло допрашивать тому самому следователю Никитину, который накануне познакомил Аню с наркомом Абакумовым. В действительности, Лев Романович решил использовать старый прием со злым и добрым следователями, но не сведущему в правовых вопросах Николаю не было об этом известно. Завидев нового человека, он было подумал, что тот сможет во всем разобраться и установить его невиновность, но первой же фразой Никитин поставил крест на этом зыбком предположении.

– Ну как? Подумал над предложением Льва Романовича?

– Подумал.

– И что скажешь?

– Что сказать мне нечего.

– Понимаю. Много времени прошло, мог и подзабыть что– то. Ладно, постараемся напомнить, – он поднял трубку телефона и велел завести обвиняемого. С интересом Коля глядел на дверь – пока в ней не появился Демьян. Тот самый наводчик, с которым вместе, рука об руку, они пару месяцев назад совершили свой легендарный прорыв. Он был изрядно потрепан, напуган – ясное дело, после такого подвига и в таком месте очутиться, – но неугасимый задор в глазах выдавал в нем того самого Волчка, на которого Ивушкин возлагал самые сложные боевые задачи.

– Здорово, командир, – натянуто улыбаясь, пробормотал вошедший. С одной стороны, он был рад видеть боевого товарища, а с другой обстановка не располагала к проявлениям положительных эмоций.

– Здорово, Волчок! – сквозь подкатившие при воспоминаниях о побеге из логова слезы улыбнулся Ивушкин. – Тебя тоже?

– Как видишь.

– А за что?

– За то же самое, надо полагать, – он робко посмотрел на следователя, который пока занимал позицию безучастного наблюдателя происходящего. – Вот говорят, что нас немцы в концлагере завербовали и инсценировали наш переход к

своим с целью шпионов забросить. Признание требуют подписать... Бред...

– Ну да, сначала пытали, били как собак три года, едва в печь живьем не сунули, а потом вдруг так облагодетельствовали, что домой разрешили вернуться...

Волчек непроизвольно хохотнул, вдумавшись в слова командира – версия гэбистов действительно выглядела притянутой за уши.

– Ну– ну, – махнул рукой Никитин. – Вы мне эти свои шпионские штучки бросьте. Этот кабинет ежедневно десятки таких, как вы, видит, и врать в его стенах даже кощунственно...

– Так, если вы нас шпионами считаете, – взывал к логике следователя Коля, – то зачем эти очные ставки устраивать? Шпионы никогда не сознаются ни в чем, разве не так?

– Так. Действительно. Не сознаются, пока угроза жизни не стоит...

– Слушай, майор, да передо мной эта угроза последние три года...

– Не спеши, – тихо произнес Никитин, подойдя к Волчеку и приставив к его голове заряженный пистолет. Тихий лязг затвора свидетельствовал о том, что пистолет снят с предохранителя. – Я не о твоей жизни...

Николаю стало страшно. Нечто похожее он уже видел – тогда, в СИИ, подобные действия полковника Ягера заставили его принять решение. Как тогда ему казалось, верное. Сей-

час казалось иначе... Разница была только в том, что тогда его собеседником был враг, а сейчас – советский солдат, такой же, по сути, как и он сам...

– Ты... ты что?

– Я сосчитаю до трех, а ты прими решение. Если примешь верное – он будет жить. Нет так нет.

– Командир,.. – страх от всего происходящего завладел и Волчком, который тоже не привык видеть своих, стреляющих в своих. – Командир, что же это?!

– Раз...

– Да погоди ты... в чем сознаваться– то? В чем?!

– Не валяй дурака... Два...

– Командир, ты что? В чем ты собрался сознаваться?! Лучше умереть стоя, чем...

– Три...

– Да погоди, майор! Майор!

Грянул выстрел – следователь сообразил, что Ивушкин ничего не скажет. Бездыханное тело Волчка упало под стул, от него к ногам Николая просочился маленький и тонкий алый ручеек. Танкист обессиленно и отчаянно обхватил голову руками, прижал ее к коленям и неслышно зарыдал.

Никитин тем временем спрятал пистолет обратно в кобур и вернулся за стол:

– Понял теперь, что мы не шутим? Что своим упорством ты ставишь под удар жизни близких тебе людей... – Он нажал на кнопку под столом, и в дверях появился часовой: –

Уберите отсюда труп. И заводите второго фигуранта.

Тот взял под козырек и скрылся, а как только Коля открыл глаза, новое, еще более ужасное, зрелище предстало его взору. Хотя, само по себе ужасным оно не было – ужасным было представление Николая о том, что может произойти в следующую минуту.

На смену часовому на пороге показалась Аня. Николай встал и хотел было подойти к ней, как вдруг окрик следователя остановил его:

– Сидеть! Хуже будет!

– Аня...

Влюбленные встретились взглядами. В эту минуту они говорили больше, чем слова.

– Вот, значит, Анечка, какого ты себе мужа выбрала! Глазом не моргнув, убил Волчека, своего боевого товарища. Да-да, убил! Мог спасти, а не сделал этого. Всего и надо – то было – правду рассказать. Ты посмотри, как же ты за обещания гитлеровцев поганных держишься. Все надеешься, что войну проиграем, и ты к ним уйдешь сливки собирать?! Нет уж... Что ж, теперь посмотрим, на что ты готов ради любви. Хотя, о какой любви можно говорить с предателем?..

Коля опустил глаза и увидел, что руки за спиной Ани скованы наручниками. Никитин приблизился к ней и стал осматривать по-хозяйски – как падишах осматривает новую рабыню в гареме. Мгновение – и он одним рывком сорвал с нее платье, под которым она оказалась абсолютно голой.

Коля рванулся с места, но был остановлен – в руке майора снова мелькнул пистолет. Обойдя ее вокруг еще пару раз, Никитин толкнул девушку вперед, на стул, на котором пять минут назад сидел убитый Волчек. Она упала лицом вниз, но на ногах стоять осталась – таким образом, самая привлекательная ее часть оказалась перед лицом изувера.

Он не смог сдержать плотоядной улыбки, как она не могла сдержать слез, буквально душивших ее в эту минуту. Слез позора, стыда и ненависти к той стране, ради которой, во имя высоких идеалов, еще вчера готова была отдать жизнь и ради которой даром отдавала ее сегодня. Тем временем Никитин стал истово расстегивать брюки – пистолет в его руке мешал. Он бросил злобный взгляд на Николая, как бы предупредительно грозя ему, а пистолет отшвырнул на стол. И, как только он потерял бдительность, как только лязгнул замок ширинки, Ивушкин словно орел ринулся ему наперерез.

Два борющихся тела катались по полу и что есть сил молотили друг друга, а Аня только ревела громче. Так продолжалось несколько секунд – пока на крики и странные звуки не сбежались охранники. Они оттащили Николая от следователя и еще пару минут били его ногами – пока хозяин кабинета не приказал им вернуться на места. Понятно, что охоту продолжать свои грязные делишки ему на сегодня отбили, но окончательно сдаваться он не собирался.

– Ничего, ничего. Посмотрим, как ты завтра запоешь. Мы к вам еще одного привезли подельничка. Думаю, он расска-

жет больше вашего, и уж тогда тебя, — он ткнул пальцем в Николая, — точно к стенке поставят, а тебя, — зло посмотрел на Аню, — сквозь строй пропустим. Узнаешь, как любят настоящие русские солдаты, не эта фашистская мразь... Ничего...

Не было бы счастья — драка выбила Никитина из колеи. Он снова нажал на кнопку под столом и велел развести арестованных по разным камерам.

...Сидя в четырех стенах, Коля понял, что его прежние надежды на некую высшую справедливость более, чем беспочвенны. Ни Сталин, ни Калинин не помогут ему, потому что сами создали систему, жертвой которой Коля становился с чудовищным осознанием для себя этого факта...

Он вспомнил, как в 40-ом, в 41-ом, перед войной, в его родном Орле НКВД одного за другим забирали инженеров, врачей, учителей. Почти всех их Николай знал лично, и причем с положительной стороны, что никак не давало ему поверить в действительную виновность их в столь страшном обвинении как «враг народа». Да и не понимал он толком, что это такое. Равно, как не понимал, как никогда не бывавший за границей доктор может оказаться японским шпионом. Не понимал, какое отношение имеет к убийству Кирова никогда не видевший его секретарь Орловского горкома. И не понимал, как мог старенький учитель французского языка быть членом тайной террористической организации, имевшей в планах убийство Сталина и осуществление государственно-

го переворота. Это не умещалось в голове юноши, и потому все чаще задавался он вопросом: «Неужели наверху об этом не знают? Неужели подобные ошибки, часто приводящие к смерти людей, допускают Сталин и Берия?» И однажды этот вопрос сорвался— таки с его уст. Тогда в гости к ним пришел его дядя, инструктор Орловского горкома партии. И ответ, который он дал, потряс Николая до глубины души:

— Наверху знают все.

Больше дядя ничего не сказал, да больше было и не надо — разумному достаточно. А неразумному тогда еще Коле вдумываться в сказанное стало некогда — началась война. Она оттеснила все другие проблемы и несчастья на второй план и, казалось, они ушли навсегда. Казалось. Сейчас, когда она уже подходила к концу, а Ивушкин пережил все, что с ним случилось, судьба снова напомнила ему слова дяди и поневоле заставила задуматься об их истинном значении. А значение это было ужасно — если он был прав, то в Москве для него и таких как он ответ на все стенания был один: к расстрелу. До сих пор остававшийся оптимистом и веривший — после всего пережитого — в то, что безвыходных ситуаций не бывает, Коля вдруг взглянул в лицо своему страху и безысходности.

А уже на следующий день в его голове родился совершенно потрясающий план. Причем, родился при потрясающих обстоятельствах — «добрый» Шейнин решил устроить ему очную ставку с Анной и невесту откуда взявшимся Степаном

Василенком. По расчетам следователя, проявление доброты и милосердия после истерики Никитина должно было навести арестованных на «правильные» мысли. Расчеты оправдались.

– Ребята, я поговорил со следователем и могу вас уверить – иного выхода, кроме как рассказать все как было, у нас нет...

Степан округлил глаза и посмотрел на своего командира. Тот поднес палец к губам, давая знать о свой догадке и возможной хитрости Шейнина – их могли подслушивать.

– А что рассказать – то? – пребывая в недоумении, выдал из себя Василенок.

– Рассказать, как мы планировали вернуться в Союз и отправиться тайными агентами рейха на передовую на броне нашей «тридцатьчетверки». Рассказать и показать наглядно, в каких отсеках была установлена прослушивающая аппаратура абвера, позволявшая при первом пуске напрямую подключиться к телефонии фронта, в котором бы служил танк и завладеть секретными данными... Детально пояснить и продемонстрировать, нажатием каких рычагов она приводилась в действие...

Одновременно с этим он стал рисовать на запыленном полу кабинета картину. Сначала провел большую линию, а сверху нее пунктирную – любой, кто хоть раз держал в руках карты, понял бы, что это граница. На одной ее стороне он начертил свастику, из чего стало понятно, что это граница

рейха. А на другой нарисовал коробку с пушкой – это был их танк, оставленный на территории Чехословакии. Возле него нарисовал три палочки – это были они сами. Обвел их с танком большой окружностью и от нее нарисовал стрелку в сторону немецкой границы.

– Дать подробные показания о том, с кем и когда сотрудники абвера проводили беседы и почему приказали оставить танк на освобожденной территории Чехословакии, почему не дали разрешения отправиться на нем через линию фронта, боясь, что его могут подбить или повредить, а он нужен для выполнения секретного спецзадания и имеет внутри сложную систему слежения, шифрации и записи радио и телефонных соединений, проходящих через машину... – он говорил внятно и четко, озвучивая ребятам свою версию легенды, которая единственно могла сейчас спасти им жизни. Они еще не до конца понимали, как, но в очередной раз готовы были преданно отправиться в самое пекло вслед за командиром, который отвечал за них уже перед своей совестью.

Слушая его, Василенок замотал головой:

– Ты в гэтам уверен? – произнес он с присущим белорусским акцентом. – А кали воны, – он кивнул на дверь кабинета, – нас павэшають?

– Есть варианты?

– Нет, – отрезала Аня.

– Надо просто это сделать. Иначе будет хуже. Хуже, чем

там, хуже любой печи, любой газовой камеры. Тогда нам давали шанс. Сейчас ни о каких шансах для нас, кроме этого, речи уже не идет. Мы обречены. Единственное, что может облегчить нашу участь – это покаяние перед народом, с которым мы вели свою тайную войну все годы плена. Покаяние за совершенную ошибку и надежда на милость победителя.

– Думаю, народ– победитель нас простит, – подмигнула Аня. Раскрыть информацию, которой она обладала, она сейчас не могла ни под каким соусом, но по ее взгляду Коля и Степан поняли, что не все потеряно. – Только как мы сможем помочь самим себе? Ведь прослушивающая аппаратура осталась в танке, а он в Чехии.

– Верно. Без аппаратуры кто нам поверит? Грош тогда цена нашим словам, – наигранно задумался и огорчился Николай.

В эту минуту его догадке суждено было подтвердиться – дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появился сияющий самодовольный Шейнин. Коля едва успел стереть свои чертежи с пола, по которому мгновение спустя прошли сапоги бравого следователя.

– Ну как? Договорились? Будем сотрудничать?

– Да, но есть осложнения.

– Какие?

– Танк, на котором мы бежали. Вы верно тогда сказали, что на полигоне имела место только имитация побега. Важно было все – обстоятельства, правдивость, а еще важнее сам

танк. В нем была установлена секретная аппаратура, которая подключалась к радиостанции и телефону, расположенным внутри танка, по которым велась штабная связь. Единожды выйдя на связь с командованием, эти телефон и станция автоматически подключаются к аппарату штаба, а оттуда – по линейке – ко всем аппаратам, с которых совершаются звонки в штаб. Понимаете?

Шейнин выпучил глаза и забормотал:

– Мать честная, до чего фрицы додумались! Так это до самой Ставки, до самого товарища Сталина могли дотянуться!

– На это и был весь расчет. В дальнейшем внутри системы включается шифровальщик и начинает передавать разговоры в главное управление имперской разведки. Но тонкость этой аппаратуры в том, что включить ее очень сложно. Я сам до конца не знаю и уже не помню этой системы. По замыслу, меня должны были направить на фронт, где я бы вызвал вот их двоих, – он кивнул на своих товарищей по несчастью, – мы вернулись бы в Чехословакию, сели на нашу броню и отправились бы в бой к границам Восточной Пруссии. Если мы объединим усилия, то, конечно, сможем обрисовать эту систему, но и то приблизительно. Лучше бы нам показать это все на местности, в натуре, так сказать...

– Отправим туда наших инженеров и всего делов...

– Ни в коем случае! – вскрикнула Аня. – Дело в том, что система может быть выведена из строя, если только ей начнет управлять неподготовленный человек. Одно неправиль-

ное нажатие – и ей конец. Она защищена от посторонних проникновений...

– Ну так вы им все предварительно расскажете!

– С радостью, – снова включился в разговор Коля. – Ну а если ошибемся? Перед глазами – то ее нет, и даже самый точный чертеж по памяти может оказаться приблизительным...

– Дуже мудрая штукавина, – закивал начавший экстренно соображать Степа. – Не тае што дэрнешь, и усэ – магчыма в овраг зваливаты. Цудовна наука...

17 июля 1944 года, немецко– чешская граница

Расчет Николая оправдался – оказавшись в сложной и интересной, с точки зрения перспектив, ситуации, Шейнин ко-
стьюми лег, но добился возможности организовать вывоз арестованных к месту расположения танка. 17 июля в сопровождении десятка охранников, следователя Никитина – сам он поехать не смог по объективным причинам – и нескольких криминалистов все трое были доставлены к тому самому месту, где оставили совсем недавно своего бронированного спасителя.

– Предупреждаю, горячее из танка слито, так что не делайте глупостей, – предупредил Никитин. – Помните, что от ваших грамотных и правильных действий сейчас зависит ваша дальнейшая судьба.

Ивушкин опускался в танк первым. На ходу, только встав

внутри него на ноги, он автоматически проверил ствол оружия. Надежды ни на что он не питал, и, честно говоря, вообще плохо представлял себе план осуществления побега – в отличие от немецкого концлагеря, в Москве условий для его подготовки не было. Все должна была решить импровизация. А этот его жест – быстро открыть и проверить ствол – был скорее механическим, присущим ему как командиру экипажа. Недаром говорят, что хорошему делу всегда помогает случай. С удивлением для себя увидел Николай в стволе снаряд... Не было времени проверять, какой он – бронебойный или осколочный. То, что он вообще по чьему-то недосмотру или провокации был здесь, уже было большим подарком судьбы.

Следом за Николаем в люк спустился фотограф от НКГБ. Затем – Василенок. Поймав его взгляд, Коля тут же обратил его внимание на ствол оружия и согласительно кивнул. Каждый все понял.

После Степана вооруженный следователь Никитин влез в машину и встал на месте наводчика, чтобы видеть все происходящее в машине. Он не выпускал из рук заряженного и взведенного пистолета. Вокруг машины стояли автоматчики, один из которых дуло направил прямо в приоткрытую форточку механика-водителя. Аня оставалась снаружи в качестве заложника. Крышка люка закрылась по команде следователя, а наверху на нее встал часовой с ружьем, и Никитин начал следственное мероприятие, которое в советском

уголовном процессе называлось «проверка показания на месте».

– Ну, рассказывайте.

– Вот, – сидя на командирском месте, Ивушкин снял трубку штабного телефона. – Я ее снимаю, а Василенок в это время должен вон тот рычаг сдвинуть...

– Який? – спросил Степан.

– Не дури! – окрикнул его Никитин.

– Не памятью, громадка начальник...

– Ну вон тот, – показал наобум Николай.

– Вось гэтат? – он переключил направление движения, случайно задев рычаг ручного тормоза. Танк, в котором не было топлива, покатился под гору. Движение было медленным и изнутри практически не ощущалось, а вот снаружи было видно хорошо, так как машина стояла на пригорке, там, где ее и оставили ребята во время своего прорыва. Сдвигать ее с места не решились – после того, как Ивушкин сказал, что любое прикосновение к ней может испортить систему.

– Да. Теперь надо звонить в штаб. Для этого по радио надо отбить шифровку, они в ответ сообщат номер линии...

Снаружи послышался стук – часовые стали подавать сигналы о движении танка. На звук Никитин встал и полез открывать крышку. Как только он выпрямился во весь рост и поднял руки кверху, Василенок одним ловким ударом выбил пистолет из его ладони и дулом вставил в самое интересное место, которым сейчас он к нему был обращен.

– Скажи, чтоб расступились! – заорал Ивушкин, наводя оружие на машину охраны. – Все к машине, живо! Живо, не то пристрелим!

Ощущая смерть в буквальном смысле слова пятой точкой, Никитин стал отдавать команды. Часовые стали сбиваться в кучу возле автомобилей, но с прицелов танк не снимали – как будто их пули могли пробить выдавшую виды броню, закаленную в боях с немцами.

– Ярцеву сюда! Ну, живо!

Никитин замедлил. Вдруг Василенок резко перенаправил пистолет на сидевшего тут же в недоумении фотографа и выстрелил, свалив несчастного наземь. Следовательно понял, что они не шутят, тем более, что очень скоро дуло пистолета вернулось на ранее установленное место.

– Давай ее сюда! Давай бегом! – крикнул он охране. Вскоре Ярцева взобралась на люк еле движущейся машины. Как только ее шаги услышал Ивушкин, он подал команду Степану, и тот что было сил толкнул Никитина двумя руками и пистолетом под причинное место, выдавив его из танка как пробку из бутылки. На его месте тотчас оказалась Аня. Люк захлопнулся, а машина продолжала движение под гору, в сторону ближайшего леса. На ходу выбросили из нее труп фотографа, ставшего случайной жертвой в борьбе ребят за жизнь. Завидев это, охрана попрыгала в автомобили, очень удачно поставленные рядом. Моторы загудели.

Тем временем Николай уже справился с задачей по пере-

направлению дула в сторону своих неприятелей.

– Стреляй, Аня! – заорал он что было сил.

В ответ она рванула гашетку на себя. Танк дернулся, а потом поехал еще быстрее, отталкиваемый импульсом снаряда. Несколько секунд спустя раздался грохот. Коля выглянул в люк – на месте обеих машин полыхало зарево костра, в котором погребло десять сотрудников НКГБ...

Докатившись до ближайшего леса, Василенок по команде Николая остановил танк ручным тормозом в самой его чаще. Правда, несколько деревьев по пути пришлось сломать, но все же в этом месте лес был очень густой, и найти их здесь было сравнительно непросто. Воспользовавшись этим, ребята вылезли из душного танка и встали на башне.

– Надеюсь, никто из присутствующих не собирается «прорываться к своим»? – задал риторический вопрос Николай.

– Гэта нет, да толькі што мы тут робыць будзем? Куды нам ховаться и кольки так жить? – спросил Василенок. – Танк опять же...

– Танк придется бросить здесь. Через пару часов все блокпосты чехов будут знать о нашем побеге, и он первый выдаст нас своим присутствием. А прятаться будем...

– Нигде не будем прятаться, – оборвала Колю Анна. – До ближайшего немецкого города километров 30. Помнишь, как ты велел мне ночами пробираться? По той же дороге и пойдем и вскоре будем в рейхе. У каждого из нас есть постановление о признании обвиняемым, где описаны обстоя-

тельства нашего «сотрудничества с немцами». Это позволит нам беспрепятственно, хоть и под надзором абвера, попасть в Берлин.

— Ну да, — захохотал Степан. — А там яны нас припомнють и к стенке зараз!

— Нет. Там мы встретимся с Гитлером. Он нас простит. Нам есть, что ему сообщить...

19 июля 1944 года, Берлин, здание рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе

К зданию рейхсканцелярии ребят доставили под конвоем. Рассказанная ими история о том, что они намерены просить политического убежища в рейхе, звучала неубедительно, и потому долгое время их вообще не желали слушать. Когда Аня объяснила, что от встречи с Гитлером зависит жизнь фюрера, стали относиться к их просьбе учтивее, но до конца все равно не доверяли. Правда, Гитлеру, конечно, обо всем доложили, и согласие на аудиенцию было получено.

Около полудня невысокий, сухощавый человек в полувоенном кителе со свастикой, штатских брюках и глубоко натянутой на глаза фуражкой показался в приемной. Руки он держал за спиной, шагал быстрыми, но мелкими шажками, а приблизившись, снял головной убор и продемонстрировал своим гостям свой облик. Короткие усики над верхней губой, зачесанные набок волосы и быстрый бегающий взгляд

черных глаз. Перед ними стоял Адольф Гитлер.

Аня сделала шаг ему навстречу и заговорила по-немецки:

– С самого начала войны мы, все трое, оказались в немецком плену. Мы русские. В мае 44-го в концлагере в Тюрингии нам представилась возможность бежать на предоставленной в наше распоряжение броне танка «Т-34»...

– Как же, слышал, – исподволь улыбнулся Гитлер. – Слышал и восхищен вашим подвигом. Конечно, по закону следовало бы вас расстрелять, но тот факт, что вы явились сюда с повинной, покинув территорию СССР добровольно, существенно меняет дело...

– Нет. Дело меняет кое-что другое.

– Что же?

– В заключении я лично разговаривала со сталинским министром госбезопасности Абакумовым. При мне он беседовал по телефону со Сталиным и сообщил ему, что в ближайшие дни на вас готовится покушение. Оно будет осуществлено в месте под названием «Вольфшанце» при посредничестве ранее завербованных советским командованием ваших офицеров по фамилии Бек, Штауффенберг, Канарис и посла Шуленбурга...²

Гитлер побелел.

– Вы можете доказать свои слова?

– Нет. Вы можете поверить нам на слово или рискнуть

---

² Жан- Луи Тьеро. Штауффенберг. Герой операции «Валькирия». – Litres, 2017–09–05. – 342 с. – ISBN 9785457826021.

жизнью. Если наши слова оправдаются, вы отпустите нас и предоставите нам германские паспорта и все льготы жителей рейха. Если нет, можете нас расстрелять...

Гитлер повернулся в сторону стоящего здесь же своего адъютанта Фегелейна.

– Чей доклад я должен буду выслушать завтра в «Вольфшанце»?

– Полковника Штауффенберга... – оторопело отвечал секретарь.

– Который является учеником..?

– Людвига Бека...

– Кто организовывает военный совет?

– Адмирал Канарис.

...Им было велено ожидать паспортов в какой-то небольшой гостинице недалеко от рейхсканцелярии. Они шли туда из главного здания рейха уже без конвоя и смеялись как сумасшедшие, привлекая к себе внимание прохожих гражданских лиц и солдат. Как им всем было объяснить, что ребята наконец-таки, после трех лет непрерывных скитаний, лишений и издевательств, обрели настоящую родину и настоящую свободу?! С этими словами в сознании каждого человека связаны только положительные ассоциации. И ребятам сейчас так хочется верить, что эта свобода никогда не кончится, а эта родина никогда не предаст! Так хочется верить во все хорошее! Поверим же и мы вместе с ними...

В тылу врага

Лето 1978 года, Москва

Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов приехал домой поздно и уставший. Было много дел. Министр обороны Устинов представил на обсуждение Политбюро ЦК свой планы войны с Афганистаном – а точнее, с поставленным там НАТО– вцами проамериканским правительством, – который не устраивал председателя КГБ своей теоретической близостью с гитлеровским «блиц– кригом».

– Один уже пытался так страну захватить, где он сейчас? – справедливо вопрошал Андропов и тут же конструктивно предлагал свою теорию: война должна быть основательной и кровопролитной со стороны противника. Надо оставлять за собой выжженные степи, как говорил Владимир Ильич, только так можно избежать возрождения заклятого врага.

Но другой Ильич его не слушал. Андропов злился и ехал домой в растрепанных чувствах. На входе дома встретил его вахтер – бывший ветеран партизанского движения Николай Иванович Дударев. Горластый старик часто веселил именинника жильца дома партии и правительства, и сегодня он решил перекинуться с ним парой слов, чтобы немного загладить дурное впечатление от прошедшего заседания.

– Как дела, Иваныч?

– Спасибо, Юрий Владимирович. Вот газету читаю.

– Что пишут?

– А вот по вашей части... Где– то там в Аргентине поймали нациста бывшего, осудили и шлепнули значит. Эйхман какой– то...

– Ну что ж, отличная работа израильской госбезопасности «Моссад». А только причем тут я? Мне таких успехов не видать...

– Да бросьте. Все в ваших руках.

– Ну– ка, растолкуй?

– Уж не знаю, как их там в Аргентинах ловят и все такое, – вздохнул Дударев. – А только и тут их расселось, дай Боже.

– Да ну, брось. Откуда здесь, в стране, победившей фашизм, возьмутся вдруг фашистские прихвостни?

– А я тут, Юрий Владимирович, давеча земляка встретил. Служили вместе на Брянщине, в партизанах. Так вот он рассказывал, что была там у них одна палачиха немецкая, Тонька Никитина, ее еще «Тонька– Пулеметчица» звали.

– Почему так?

– Очень уж любила людей из «Максима» стрелять. Да пачками человек по 30. Выстроят их немцы перед ямой, а она по ним: трататататататататата, – как безумный задержался старик, сжимая в руках невидимую гашетку пулемета. – Перед войной в НКВД служила, а потом осталась в Локоте, на оккупированной территории. Добровольно, значит, от эвакуации отказалась. Я– то примерно ее лицо помню, но вот,

что она там палачихой стала – этого не знал. А поди ж ты. Тратататататата, – снова забился в пляске святого Витта юродивый.

– Это как же ее после НКВД угораздило? – оборвал его в его исступленном представлении председатель КГБ.

– А чем оно лучше СС– то было? НКВД– то? – парировал Дударев. Андропов посмотрел на него с осуждением, подумав: «Ляпнул бы ты такое лет 30 назад, остались бы от тебя рожки да ножки», произнес многозначительно:

– Да, верно.

– И никто ее поймать столько лет не может!

– Погоди– ка, – вдруг задумался Андропов. – А ты откуда знаешь, что она здесь живет?

– Слухами земля полнится, – пряча глаза, заверещал старик. – Думаю так... Куда бы она делась? Любовник ее, бывший комендант Локотского самоуправления Каминский, погиб. Убили его. Линию фронта, то есть, не перешел. А без него нужна она им была? Они тогда отступали, только пятки сверкали. Бросили, а они и затихарились.

– Что ж, поищем, – задумался председатель КГБ. – А послушай, если мы ее, предположим, найдем, сможешь опознать? Все– таки, судя по твоему живому рассказу, ты от нее еле ноги унес? Значит, должен запомнить своего палача. Говорят, у прошедших войну эти воспоминания до смерти перед лицом стоят. А, что скажешь? Сможешь опознать?

Дударев замялся.

– Я– то вряд ли, много лет прошло. Но вот кое– кому она точно в лицо запомнилась...

Старик вспомнил события одного августовского дня 1941 года, когда вместе с командой Брянского УНКВД во главе со своим старым товарищем Александром Сабуровым – с которым на прошлой неделе обсуждал эту тему и от которого и узнал о том, что фашистка прячется где– то в Союзе, – и той самой Антониной Макаровой выехал на задание, данное начальником управления. Шли тяжелые дни эвакуации. Враг подступал все ближе...

Лето 1941 года, Брянск

Перед самой войной в Брянске жила и училась на вечерних курсах правоведения выпускница Локотской средней школы Тоня Никитина. Училась хорошо, почти отлично. Всегда зубрила и мыслей не допускала о праздном образе жизни. Вместе с ней учился парень по имени Саша Сабуров, который настойчиво подбивал клинья к Антонине и на первых порах ей нравился. Только сильно переживала она от того, что не сходились никак их натуры.

Нрав Александра гармонировал с его внешностью. Лихой, разухабистый, не знавший ни страха, ни границ, ни пределов собственной силы, он то и дело влипал в ситуации, которые не красили его, но и не говорили о его злобе. Скорее, о безрассудстве и чрезмерной отчаянности, которые хороши

бы были на войне, но никак не в мирной жизни. Он с завидным постоянством ввязывался в драки, но всегда — из-за девушки. Он не умел держать язык за зубами, но всегда его кто-нибудь на это провоцировал. Он часто и неуместно говорил правду, подчас нелицеприятную, чем приносил окружающим немало страданий — но «они всегда первые начинали». И, если другой, оказавшись в схожей ситуации, мог бы уйти от открытого конфликта, понимая, что кулаками спора не решить, то уж Александр точно был не из их числа. С одной стороны, такое поведение демонстрировало в нем чисто мужские качества, и потому бросалось в глаза девицам, которые мало, что понимали в столь юном возрасте и тайно вздыхали по подобным персонажам, вроде бы и не виноватым в своих промахах. С другой стороны, не делая выводов о том, что твое собственное «я» регулярно ставит тебя в неловкие ситуации, ты как бы становишься заложником и, в какой-то мере, инициатором таких своих выходов. Мол, характер сильнее меня, и я сдаюсь. А такое упадничество никак не должно быть свойственно коммунисту, который умеет укрощать и тело, и дух.

Покладистый и точный характер Антонины не располагал к таким личностям. Да, были у нее подруги, которые отчаянно завидовали тому, что за ней ухаживает такой парень, не только внешне привлекательный, но и смелый, отважный, отчаянный (пускай даже до глупости), а вот ее это сильно задевало. Ну не могла и не хотела она видеть разложения близ-

кого человека! Не могла видеть, как страдает он от собственной глупости, все чаще заливая нежелание бороться с буйным нравом вином. Не могла безучастно лицеизреть его веселых гуляний с гармошкой в руках и запойным чтением на память столь же дурного Есенина. Не могла и не хотела мириться с тем горем, который неизбежно приносит с собой во взрослую совместную жизнь такой вот отчаянный, озорной хулиган.

– Саша, – всякий раз всплескивала руками она, когда они оставались наедине и обсуждали очередную нелепую выходку, которую Сабуров позволил себе и которая вновь отразилась на Антонине, – ну о чем ты думаешь?! Ну неужели нельзя было промолчать?

В лучшем случае он нелепо отмалчивался, делая умиленное, блаженное лицо и смотря на нее влюбленными глазами. В худшем – начинал оправдываться.

– Промолчать – читай, сказать неправду?! Ты вот все советскими идеалами хлещешься, а вранье – разве это по– советски?!

– А так, как ты себя ведешь, это по– советски?

– Конечно.

– Почему же тебя, в таком случае, на бюро райкома комсомола вызывают?!

– Ну, мнение одного какого–нибудь заштатного секретаришки – это еще не принципиальная позиция Советской власти. Будь на моем месте товарищ Сталин, еще неизвестно,

как бы он поступил...

Подобные разговоры выводили ее из себя, она разворачивалась и покидала место свидания. Тогда он, как правило, бежал за ней и начинал извиняться:

– Тонюшка, ну что ты, ну прости, не хотел я. Прости дурака...

– Сколько раз я уже это слышала? А потом что? Все по новой.

– Ну честное комсомольское, не повторится больше такого...

Она верила. Верила слишком часто, хотя последнее время уже и понимала, что после стольких обманов, наверное, не следует... Почему верила? Потому что приросла к нему, прикипела, и больше всего, как часто бывает в подобных случаях, была «обманываться рада», хоть и понимала умом, что, скорее всего, ничего путного у них не получится. Правда, тут появлялись те самые подруги, которые одобряли лихого и бесшабашного Сашку, и начинали ее убеждать:

– Что ты, Тоня! Он же такой красивый! А сколько стихов знает, и все наизусть... Да и не страшно с ним – в случае чего, всегда заступиться сможет. На других – то посмотри – один хилее другого, а этот все – таки парень с кулаками... А что до глупостей, то кто их в молодости не творит?!

Совет, что они давали – посмотреть на других – она как-то восприняла. А может, оно само получилось, только появился на горизонте ее молодой поляк, инженер Бронислав

Каминский. Тихий, спокойный, ласковый, который видел в Антонине истинно предмет поклонения, а никак не средство самоутверждения, за которую, как выражались подружки, можно заступиться или, блеснув перед которой, прочитывать на память полтома Есенина. Нет, он был не такой. Он старался жить, а не казаться, в отличие от Сашки, которому вечно чего-то не хватало для нормальной жизни. Спокойствием и тихой, никому, кроме нее, не приметной уверенностью покори́л он ее во время первого знакомства, в Брянской областной библиотеке имени Крупской, куда Антонина часто ходила после учебы и работы. Конечно, сразу не понравилось это подругам.

– Ну вот тебе! Нашла, кого с кем сравнивать. Тихушник какой-то, да и страшнее он тебя. Нет, этот ни стихов не прочитает, ни в драку не влезет за тебя...

– А вы считаете, что это нормально – когда из-за женщины мужчины ввязываются в драки?

Те смотрели на нее недоуменно:

– А что ж тут ненормального? Так испокон веков было...

– Было. С теми женщинами, у которых были низкие моральные принципы. А со мной такого не будет. Мне не надо такого. Дать повод для поединка – значит, повод дать двоим думать, что ты принадлежишь им обоим и отмалчиваться потом. А так делают только непристойные женщины из романов Бальзака...

– Что ж, по-твоему, Натали Гончарова тоже непристой-

ная была?

– А разве нет? При живом муже вступить в отношения с Дантесом, после чего даже не покаяться перед полубезумным поэтом, а толкнуть его на смерть? Разве достойные дамы так поступают?

– А кто достойная?

Антонина задумалась:

– Жанна Д'Арк.

Девицы расхохотались и стали что– то ей говорить то про Орлеанскую Деву, то про Бронислава, а она их не слушала. И думала только об одном – чтобы совместить внешность Сашки и ум поляка?! Ну почему так никогда не бывает? Почему не бывает идеальных людей?..

Раньше она, правда, думала, что бывает. А потом как– то резко начала разочаровываться в людях.

Первый раз это серьезно произошло, когда Сашка, прознав о ее симпатии к Брониславу, с которым они тогда и знакомы– то были шапочно, подкараулил его в темном переулке и крепко побил. Она потом долго извинялась перед этим несчастным инженером, которого, после всего случившегося, кажется, полюбила («Она его за муки полюбила, а он ее – за состраданье к ним») и зачем– то пыталась выстроить отношения с Сашкой и все ему подробно рассказать, все объяснить. Понять– то, как ей казалось, он понял, но все же злобу затаил...

Второй – когда Сашка, видя, что симпатия Антонины к

Каминскому не пропала, а только усилилась после его глупой и абсурдной выходки, решил победить соперника другими аргументами. Может, ей следовало бы помолчать и не пытаться привести его в пример Сашке, но она хотела как лучше. А получилось только хуже.

– Нашла кого в пример приводить, – хмыкнул Сашка. – Ты вот, к примеру, знаешь, что он за свои неполные 30 лет успел и в лагерях побывать?

– Ну и что? – не повела бровью Антонина. – Если он здесь, значит, рассчитался с обществом за свое преступление. Кстати, а за что он туда попал?

– Вроде за какую-то халатность на работе... Да неважно, что рассчитался, а важно, что побывал. Значит, уже не является полноценным гражданином, а?!

Она не слушала Сашку. Он допустил психологическую ошибку – те недостатки, коими сам страдал и которые не раз привлекали к нему девичье внимание (то есть потенциальную антиобщественность действий) «вменил в вину» конкуренту. Тот и без того больше выигрывал в глазах дамы сердца, чем он сам, а теперь так и вовсе поднялся на ступень выше – не каждый, понимала она, может отсидеть срок, а потом снова стать полноценным членом общества, трудом доказав свое исправление и вернувшись сюда свободным.

Тогда Антонина поняла, что с Сашкой ей, скорее всего, не по пути. Правда, тут же на помощь ему пришел случай – третий из тех, в ходе которых она понимала, что идеальных

людей нет.

Он случился, когда началась война. Тогда Тоня в полной мере узнала, что испытания подобного рода действительно проверяют людей на прочность, и проходят эту проверку далеко не все. Если не сказать больше: практически никто не проходит. Да, сначала тебя долго обучают патриотизму и готовят к этой войне с «империалистическим хищником», которая должна начаться с минуты на минуту. Но все это оказывается лишь теорией. Практика оказывается чудовищной по своим масштабам. Человек просто не в состоянии найти в себе сил противостоять всему свету, который, кажется, в эту минуту ополчился против тебя. И он пасует.

Узнала это Антонина тогда, когда их, комсомольцев, не подходивших еще по возрасту для службы в армии, ввиду получения юридического образования предложили мобилизовать в НКВД, все сотрудники которого теперь служили в действующих частях и не могли полноценно выполнять свои трудовые обязанности. Она, как и Сашка, сразу согласилась. Неделю служба была самой обычной – патрулирование по городу, приводы хулиганов и карманных воров, которых ловили они, еще в школе, будучи дружинниками, и которые не могли им оказать серьезного сопротивления. Весь активный криминальный элемент с началом войны стали эвакуировать в глубокий тыл – ну, во всяком случае, так гласила официальная версия. Факт состоял в том, что они, вместе с зонами и следственными изоляторами, куда– то пропали.

Но потом началось активное наступление гитлеровцев. Задача усложнилась. В один из дней Антонину и Сашку вызвал к себе начальник УНКВД, товарищ Филимонов и заявил:

– Значит, так. Неприятель наступает. Неделью спустя тут будет линия фронта. Наша задача – организовать эвакуацию гражданского населения и ликвидацию объектов наземной инфраструктуры.

Про эвакуацию Тоня сразу все поняла, так как регулярно читала газеты и слушала радио. А вот что касалось второй формулировки, тут возникли некоторые затруднения. Тут Сашка пришел ей на помощь:

– Ну заводы, электростанции, мосты. Кому оставлять? Гитлеровцу? Для удобства? Нет уж.

– А что же с ними делать?

– Взрывать, сжигать.

– Как?! Народ столько лет строил, столько сил вложил, а теперь взять и сжечь, с землей сравнять?

– Несознательно рассуждаешь, товарищ Никитина, – вмешался Филимонов. – Сабуров правильно говорит, объекты должны быть уничтожены. Ни пяди земли врагу, забыла, что ли?! С завтрашнего дня и приступайте. В распоряжение вам дам троих, за неделю должны управиться. Кроме того, уничтожению подлежат территории, постройки и угодья бывших колхозов и крупных личных хозяйств.

– А это– то причем?! – не унималась Антонина. – Ну лад-

но, инженерные коммуникации, они помогут врагу в продвижении к нашим городам и селам. А причем тут земли? При чем строения и угодья? Как они навредят нам в войне, если мы сохраним все как есть?

– Во– первых, никто не знает, как именно дальше будет продолжаться война. Быть может, мы оставляем родные места не на один год. Так что же, этот год мы дадим неприятелю эксплуатировать наше имущество и возделывать нашу землю, чтобы он кормил нашим же хлебом своих солдат?! А во– вторых, последнее время на территории Брянской области участились случаи возвращения ранее высланных отсюда кулаков. Они ожидают наступления немцев и рассчитывают, в этой связи, на возвращение им ранее национализированных земель. Уж они точно будут врагу помогать, сколько могут. Значит, допустить того, чтобы готовая к вспашке или уборке урожая земля попала в их руки, нам никак нельзя.

На следующий день после разговора Антонину отправили в Малую Верховку – небольшую деревню недалеко от Локотя, где жили ее родители. Она должна была эвакуировать несколько семей и принадлежащий им скот. Люди выезжали неохотно, все время искали возможность отложить переселение на завтра, на неделю и так далее. Кто прикидывался больным, кто категорически отказывался выходить из дома, вызывая применение силы. Сознательная Тоня такой несознательности людей сильно удивилась. Во время обеда решила поговорить с родителями.

– Да ты пойми, дочка. Как людям сниматься с насиженных мест?

– А как оставаться? Завтра ведь гитлеровцы придут в Локоть, так казнят вовсе, или угонят в Германию в рабство. Этого они хотят?

– А может, не случится такого?

– Мало ли случаев было? Чего ради им вас жалеть?

Родители переглянулись. Дочь не слышала и не понимала их.

– Ладно, – подытожила мать. – Когда нам– то с отцом сниматься?

– Завтра.

– Дай хоть три дня. С хозяйством разберемся да сами уедем налегке. А ты нам потом справку напишешь, что эвакуированы...

Все же она надеялась на родителей и потому сегодня их трогать не стали.

Но случай, в ходе которого она разочаровалась в людях, произошел позже, когда они вместе с Сашкой и членом ВЛКСМ Колей Дударевым поехали в Локоть, чтобы эвакуировать крупного подсобника, имевшего собственную мукомолку для подсобников и единоличников, и работавшего также по совместительству мельником в здешнем колхозе, Василия Меренкова. Он упрямо не захотел эвакуироваться после того, как увидел, как запылила колхозная мельница стараниями бригады УНКВД.

– Это что же с моей мукомолкой будет?

– То же самое, дядя Вася, – упрямо отрезал Сабуров. – Или врагу прикажешь ее оставить?

– А меня куда?

– Ну что ты дурака валяешь? Что значит – куда? Сказано же, в эвакуацию. На Урал, в Сибирь, одним словом, куда враг не дотянется.

– И что мне там делать? Тут места насиженные, обжитые, а там что? Еще в морозы кинут, да со всей семьей, а там и подохнуть недолго. Уж лучше тут, на своей земле, да от пули вражеской, чем в мерзлую землю трупы наши бросать будут!

– Это как же понимать? – насупился Сабуров. – Остаться хочешь перед лицом неминуемого наступления? Предателем стать?

– Остаться хочу, это ты верно говоришь, а вот насчет предательства это ты зря. Я предателем – никогда.

– Есть установка партии, что все, остающиеся на захваченных территориях добровольно – есть предатели, – отрезал Дударев.

– Ну это как вам угодно, так и считайте, а только я никуда не поеду.

– Тогда, – резко вскрикнул Сабуров, так, что Антонина подпрыгнула от неожиданности, – выводи всю семью из дому.

– Это зачем?

– Политработу буду проводить, разъяснять...

– Хватит того, что мне уже сказал. Я сам все им передам. У меня там баба да двое ребятишек, мал мала меньше.

– Говорю, выводи...

Хозяин не решился спорить с решительно настроенным Сабуровым и ушел в дом на полчаса. Пока он там бродил, Дударев метнулся в сарай и обнаружил там пулемет с полным боекомплектом.

– Смотри, чего нашел... – сказал он, выкатывая пулемет.

– Точно в предатели собрался, – резюмировал Сабуров. – Еще и опасен. Надо радикальные меры принимать. Кто умеет стрелять из пулемета?

– Я на курсах ОСОАВИАХИМа обучалась этому, – робко заговорила Антонина. – А зачем тебе?

– Встань за гашетку на всякий случай.

Она послушно опустилась на колени перед пулеметом, все еще до конца не веря в реальность происходящего, когда тому же Дудареву все уже было очевидно. Она все еще любила Сашку и не могла смириться с мыслью, что он отдаст приказ стрелять по людям.

Вскоре хозяин с семьей показались на пороге дома.

– Значит так, – заговорил Сабуров. – За попытку остаться на территории врага, за хранение огнестрельного оружия и предположительную вооруженную борьбу с Советской властью, по врагам социалистического строя огонь!!!

Антонина не слушала и не слышала приказа. Она смотрела в ошалевшие от страха глаза людей, которые, пребывая

в таком состоянии, будто вкопались в землю, и не могла понять, в шутку или всерьез говорил Сашка. Он не унимался.

– Огонь, кому сказано!

– Саша, да ты что? Там же дети! – попыталась образумить разошедшегося Сашку Тоня, но он выхватил из кобуры пистолет и приставил к ее голове.

– Предателей защищаешь?! Сама предать хочешь? Гляди, сей час туда отправлю и сам за гашетку встану!

Затвор патронника лязгнул у нее возле виска. Понимая, что он не шутит, а наверное, сошел с ума, и ждать от него можно, чего угодно, она зажмурила глаза и нажала на ручку на раме. Оглушительная очередь прервала женский вскрик. Мгновение, секунда – и все было кончено...

Потом, едва придя в себя, напившись воды, сквозь дым, гарь и копоть от подожженных ее товарищами дома и мукомолки продиралась Антонина к месту расстрела. Совсем маленький мальчик, лет трех, остался жив и просто без чувств лежал рядом с трупами родителей. Видимо, очередь не достала его по росту – он был ниже пулемета. Она погрузила его в машину и отвезла в детский дом. А тем же вечером – не разочарованная, а убитая поступком Сашки, который просто перестал для нее существовать как личность – нашла утешения в объятиях Бронислава.

Бронислав говорил ей, что собирается остаться.

– А ты не останешься?

– Но ведь здесь будут гитлеровцы!

– И что? Кто тебе сказал, что при них жизнь будет хуже нынешней?

– Да что ты такое говоришь?! Разве ты газет не читаешь, радио не слушаешь?

– В том– то и дело, что читаю и слушаю. Читаю то, что пишет Сталин, и слушают то, что он говорит. А кто тебе конкретно сказал, что он говорит правду? Разве маузер, которым ты давеча так ловко воспользовалась?

Тоня отвернулась, не желая продолжать разговор. Тогда Бронислав решил все объяснить подробнее.

– Ты не обижайся, а послушай. 20 лет назад Советская власть обещала всем свободу, равенство и братство – я как человек старший это помню. Что дала? Ничего. Только маузер и всеобщее равенство в колхозе или у стенки. Ни о каком братстве и свободе речи не идет. Людей обманули – обещали одно, дали другое. Сама видишь, как не хотят они отсюда уходить, а те, что когда– то ушли, то есть были изгнаны «абсолютно справедливым» строем, возвращаются в надежде на лучшее. А знаешь, откуда у людей такая надежда? Потому что хуже некуда. Самое темное время перед рассветом, а за ночью непременно наступает день. 20 лет мы живем тут хуже крыс. Нас заставляют убивать и сажать друг друга, а почему? Почему ты накануне так поступила? Потому что иначе не могла. Разве эта несчастная семья производила внутри тебя впечатление врагов Советской власти? Нет. Ты за свою жизнь боялась, потому и стреляла. Так же и на фронте. Сол-

даты десятками переходят на сторону врага, только нам об этом не говорят. А сражаются только тогда, когда оказываются в такой же ситуации, как и ты – когда позади них идут заградотряды с пистолетами и пулеметами. И ты этого всего не видишь только потому, что упрямо закрываешь глаза... Ладно я, но родителей своих послушай.

– Они старые, что их слушать...

– Старые, а значит, опытные. Опытнее тебя. И что, они лгать станут? Почему уходить не хотят?

– Говорить стыдно. Хозяйства пожалели. Совсем как мещане горьковские себя ведут...

– И ты в это веришь?

– А зачем им мне врать?

– А затем, что ты пришла в форме НКВД, и с тобой еще один такой же.

Суровая правда его слов раскрыла глаза Антонине. Она повернулась к нему и посмотрела ему в глаза. До нее начала доходить отвратительная и жестокая реальность его слов.

– Ты правда так думаешь?

– А что тут думать? Что они еще могут сказать? Гражданскую прошли с большевиками, а тут хозяйства пожалели. Они бы не пожалели, если бы знали, что завтра вернутся и наживут новое. А тут – мало того, что едут, неизвестно куда и в какие условия, так еще и без ничего. А вернутся ли? А если Советская власть навсегда уйдет вместе с ними с их родины? А если уйдет она вскоре и оттуда, куда им предлагают

отправиться? Может такое быть?

– Может... – прошептала Антонина. Голос сел – но не от страха, а от внезапного потрясения.

– Так вот и решай, Антонина. Пойдешь в неизвестность с тем, кто едва тебя саму к стенке не прислонил, или останешься здесь, со мной.

Она посмотрела в его глаза. Он снова мало говорил о своих чувствах и о своем отношении к ней, но по глазам опять читалось куда больше. Подумав немного, она обняла Бронислава что было сил – и это значило ее окончательное решение.

Лето 1978 года, Москва

Андропов в тот вечер внимательно выслушал рассказ старика, а наутро пригласил в гости, в кабинет на Лубянку старого товарища – ветерана МВД и бывшего депутата Верховного Совета СССР Александра Сабурова.

– Ты Дударева Николая помнишь? – спросил Андропов, предлагая ветерану кофе с коньяком.

– Как не помнить? Наш старый ветеран, герой войны. Я же еще когда депутатствовал, устроил его к вам вахтером. Мужик – то он неплохой, только крепко выпить любит... Как ему там служится? Небось, совсем старый стал?

Андропов как будто не слышал своего собеседника:

– Ты знаешь, он на днях рассказал мне занимательную ис-

торию. Про то, что в Локоте – где вы вместе служили во время войны – осталась проживать некая мадам по фамилии Никитина... Антонина, которая у немцев, когда они там стояли, палачом служила!

Сабуров чуть не подавился принесенным напитком.

– Что за сказки? Как такое может быть?

– Вот сам засомневался.

– Да ты нашел, кого слушать!.. – всплеснул руками Сабуров, неожиданно засмеявшись во весь голос. – Говорю же, старик совсем из ума выжил.

Он никак не мог признаться своему старому товарищу, что просто затаил обиду на свою бывшую возлюбленную и по пьянке, вспомнив о ней, разболтал старому сослуживцу выдуманную им самим историю. Тот же воспринял ее как данность, сопоставил с некоторыми моментами из своей собственной памяти, додумал кое– что, основываясь на прочитанном в любимых газетах и журналах и сформировал образ демонической женщины. Дударев, рассказывая Андропову эту утку, наделся только лишь развеселить вечно унылого жильца охраняемого им дома, и никак не надеялся на то, что следователи КГБ уже через неделю вызовут его, чтобы опознать того самого Васю Меренкова, о котором он как нельзя кстати вспомнит. При этом толком Дударев сам ничего не знал и полагался на правдивость рассказанной Сабуровым истории. Последний же точно знал, что вся она – от начала и до конца выдумка, – и теперь озаботился тем, как

нивелировать последствия своей пьяной болтовни.

– Да ты что? – саркастически улыбнулся Андропов. – Так уж и пьяный?! Не думаю. Был бы пьяный, не нашел бы для нас ее жертву.

– Какую жертву?

– Она его не дострелила тогда, в Локоте. Некий... Вася Меренков. Он дал нам показания, мы составили фоторобот, провели колоссальную работу в Брянске и вышли на след одной дамы по фамилии Гинзбург, проживающий ныне в Серпухове. Она оказалась как две капли воды похожей на ту, что мы ищем.

– Но ведь этого же недостаточно!

– Согласен. Но мы никуда и не торопимся. Пока надо на какое-то время оставить ее в покое, чтобы как следует последить за ней и собрать, по возможности, все доказательства. Контакты ее проверить, удостовериться в личности. Но чутье мне все же подсказывает, что мы вышли на верный след...

Сабуров ничего не ответил старому другу. А тот, вернувшись вечером домой, не обнаружил вахтера Дударева – сменщик сказал, что тот приболел, и взял отпуск за свой счет на три дня. Сам же Дударев в это время ехал в поезде в Серпухов, где ему предстояло встретиться с Антониной. Правдивость истории, рассказанной Сабуровым, все больше и больше порождала в его душе сомнения, и он решил, встретившись с человеком лицом к лицу, сам отсеять их.

Следующим же утром ему посчастливилось встретить Антонину возле продмага. Возраст сказался, она, конечно, изменилась, но выдавший виды старик – ветеран НКВД – смог все же узнать бывшую коллегу.

– Антонина, – еле слышно бросил он, проходя мимо нее. Она обернулась. – Не узнаешь?

– Нет, – абсолютно не скрываясь, спокойно ответила пожилая женщина.

– Я Дударев.

– Какой Дударев?

– Николай. 41–й год, эвакуацию мельницы и председателя колхоза Меренкова помнишь в Брянске?

– А, – она слегка хлопнула себя по лбу, но встрече, казалось, была не очень рада. – Как дела?

– Нормально. Привет тебе от Сани Сабурова.

– Где он сейчас?

– В Москве, совет ветеранов МВД возглавляет, большой человек, друг Андропова.

– Ты тоже там?

– Да. А ты тут?

– Как видишь.

– Почему в столицу не поехала?

– А кто меня туда звал?

– Ну, могла бы все–таки... после войны многие ехали... особенно кто в партизанах служил...

– Ты ведь знаешь, что я осталась на оккупированной тер-

ритории.

– Ну сейчас за это уже не судят, времена – то нынче не сталинские.

– Ну и что? Мне и здесь хорошо...

– Понятно, почему, – с осуждением бросал Дударев.

– Что тебе понятно?

– То же, что и тебе. Сабуров рассказал Андропову, что ты палачом в Локоте была во время войны, – старик предпочел умолчать о собственной гнусной роли в этой истории. – Даже свидетели уже нашлись. Хорониться тебе надо, уезжать отсюда.

Она обомлела:

– Я? Палачом?

– Да я и сам не верю! Только КГБ – шникам поди докажи!

По взгляду Антонины Дударев понял, что она не врет. Старые коллеги не стали бы скрывать друг от друга даже неприглядных фактов собственной биографии, коих знали в избытке. Дударев, как сам считал, разбирался в людях, а Антонина была застигнута им врасплох – врать в такой ситуации получается меньше всего.

– Что же мне делать?

– Говорю тебе, уезжать, прятаться надо.

– Как? А как же семья?

– Тут не о семье, тут о жизни уже думать надо...

– Какой ужас... – женщина спрятала лицо в ладони. – Какая гнусность! Как он мог?! Он же знал, что это неправда!

Зачем он так поступил?!

– Ты правда, что ли, того? Не служила у них?

– С ума сошел?! – вскрикнула Антонина, поневоле привлекая внимание прохожих.

– А фамилию зачем сменила?

– Замуж вышла.

Старик хлопнул себя по лбу – худшие опасения подтвердились, Сабуров соврал. Он как безумный, на ватных ногах, отмахиваясь от Антонины как от призрака, побрел задом наперед и скоро скрылся за поворотом соседней улицы.

За встречей издалека наблюдали сотрудники КГБ, которым было предписано следить за Антониной и категорически запрещено вмешиваться в ее контакты. Они действовали строго по инструкции – установили адрес гостиницы, в которой проживал Дударев, и скрытое наблюдение за его номером. Одновременно выяснили номер поезда, на котором он должен был вернуться обратно – и очень удивились, когда он на него не пришел. Решили тайком проникнуть в номер, из которого он не выходил уже сутки – и обнаружили там его в петле.

– Повесился?! – всплеснул руками Андропов, когда ему рассказали о находке в номере серпуховской гостиницы и о том, как Дударев прощался с Гинзбург. – Ну все, так и есть, это она. Значит, запугала. Такого матерого старика – и запугала. Они до смерти опасными остаются, коллабационисты проклятые, об этом еще Юлиан Семенов пишет. Все, значит

след взяли верный. Будем брать!

Весна 1942 года, Брянск

События со взятием войсками вермахта Брянской и Орловской области, условно объединенных ими в Локотскую республику или Локотское самоуправление, развивались стремительно. Наутро после ночи с Брониславом Тоня отправилась в Малую Верховку и осталась у родителей ночевать. Начальство потеряло ее, но спешка в связи со стремительным наступлением была такая, что до поисков уже руки не доходили. Вечером того же дня немцы вплотную подошли к Брянску, и Советской власти там след простыл. Волею судеб, Антонине повезло остаться на территории и остаться при этом живой. Впрочем, остались многие – на определенном этапе эвакуации, видя горячее нежелание людей уходить, НКВД решило не тратить пуль впустую и не оставлять после себя выжженную степь. Пули, логично рассудили они, потребуются на фронтах, а воля предателей есть воля предателей – после накажем.

И, стоило отгреметь последним боям на границах Брянска и Орловщины, стоило всем укрепиться в мысли о том, что неприятель пришел сюда всерьез и надолго, как жизнь начала налаживаться буквально на глазах. Первым делом выступил бывший местный дворянин и кулак, а ныне просто уважаемый человек по фамилии Воскобойник – его местные

жители сообща избрали своим представителем перед немцами, которых боялись и, конечно, не доверяли. Он торжественно пообещал:

– Граждане! Сейчас, когда ненавистные коммунисты ушли с нашей земли, она будет принадлежать нам, как планировалось еще 20 лет назад. Мы вернем право частной собственности и возможность самолично получать доход от своей земли и всего, что на ней произрастает. Вам будет предоставлено право торговать и иметь прибыль с торговли. Налоги с этой торговли будут уплачиваться в казну нашего, Локотского, самоуправления, которое не будет входить в состав рейха, а будет только под его временной защитой. При этом с самим рейхом мы будем выстраивать дипломатические отношения и торговать на общих основаниях, как два независимых друг от друга государства. Всем, кого Советская власть незаконно выселила со своих насиженных мест, вернем уголья, а тем, кому незаконно распределила – выдадим новые, на необжитых землях...

Верилось ему тогда с трудом, хоть рядом и стоял группенфюрер СС. Людей можно было понять – им нечто подобное уже обещала в свое время советская власть. Однако, некоторое время спустя, когда потянулись в Локоть как с территории СССР, переходя линию фронта во время боев, так и с других освобожденных территорий бывшие кулаки, стали они занимать то, что ранее было у них реквизировано, стали торговать, в том числе скотиной, и никто их за это не наказывал.

вал, люди поверили. Поверили и стали следовать их путем.

Первое время самоуправление сталкивалось с недостатком продовольствия, отсутствием магазинов и вообще первоочередных товаров народного потребления. Но уже очень скоро с территории рейха стали приезжать, влекомые низкими налогами, подданные Германии, которые стали открывать здесь лавочки и торговые точки. Цены на товары, благодаря все тем же налогам, были невысокими, а запасов со времен жизни в Германии хватало на то, чтобы и здесь обустроиться самым сравнительно неплохо. Скоро эта проблема была решена.

Но тут столкнулись уже со следующей – имея богатый посаженный урожай, местные колхозы, быстро преобразованные в крупные фермерские хозяйства (где одни были хозяевами, а другие – батраками, но при этом жили намного лучше своего советского уровня), лишились в связи с войной и предшествующими ей массовыми репрессиями рабочих рук. Если урожай не убрать, то бюджет самоуправления, формирующийся как раз из отчислений этих самых хозяйств, был бы пустым, а война все же шла, и с этим надо было считаться – на оружие и обеспечение солдат деньги всегда нужны. Тогда было решено провести всеобщую амнистию. Освобождали как тех, кто воевал в Гражданскую на стороне белых и был репрессирован как старорежимный, так и кулаков, и вновь посаженных красных комиссаров и чиновников. Только последних особо строго предупреждали о мерах в случае

повторения беспорядков.

А никому и не хотелось повторять. Бытие определяет сознание, и сытому человеку совершенно незачем преступать закон, когда тот же кусок хлеба можно для себя заработать без риска для жизни. Все, не помня себя, бросились в новую битву, отличную от тех, что еще недавно шли в окрестностях Локотя – в битву за урожай.

Пожалуй, если встретить тогда обычного локотского жителя и задать ему вопрос относительно того, поддерживает ли он Гитлера или Сталина, то... никто бы толком ничего не ответил. Да, первое время Сталина ненавидели, портреты его жгли, а в бюсты плевали, а теперь всей этой атрибутики попросту не осталось, и он стерся из памяти народа, занятого обеспечением своей жизни, а не жизни партийной верхушки, как это было в, казалось бы, уже мертвом СССР. Люди отвлеклись от политики, и в этом выражалось искреннее счастье народа, который, впервые за 20 лет, смог заняться трудом – тем, чем ему и полагается заниматься от природы, – а не тем, что отведено только узкому кругу высшего эшелона власти. И все очень скоро стали счастливы от этого.

Правда, было небольшое отклонение в виде бывших кулаков и эсеров, которые ненавидели в прошлом членов партии и старались при первой возможности навредить им, даже преступив закон. Но за это карали, и карали строго. Новая жизнь, по замыслу Воскобойника, должна была стереть старые условности и все воспоминания о гнусной жизни при

советской власти, заставлявшей людей терять человеческий облик. По-настоящему чистый лист должен быть чистым от любых клякс.

Когда решался вопрос с колхозами, первое, с чем надо было определиться, это возврат реквизированных земель, что пополнили колхозные запасы и за счет которых эта форма крестьянского «самоуправления» существовала все годы Советской власти. Однако, в таком случае на улице и без средств к существованию остались бы десятки и сотни простых тружеников села, никогда ничего не имевших и едва ли не силой принужденных вступить в колхоз. Кроме того, след многих бывших владельцев села давно простыл и затерялся на бескрайних просторах земли, позже названной Солженицыным «Архипелаг ГУЛаг». Кому должно будет достаться их имущество и как избежать несправедливости при ее распределении?

Чтобы разрешить эти коллизии, было решено правления колхозов распустить, а в их число включить на правах коллективных собственников имущества бывших владельцев земельных угодий, предоставив им право общим собранием принимать все важнейшие для артели решения. Те земли, которые останутся невостребованными, будут в равных долях принадлежать труженикам, отказавшимся от своего советского прошлого и решившим трудом «выкупить» эти земельные пай, доказав одновременно этими действиями свою преданность новой власти, пришедшей всерьез и надолго.

Таким образом, очень скоро сельскохозяйственные артели стали основным источником дохода Локотского самоуправления, которое рейх начал рассматривать как полноценного политического и экономического партнера. И, если кого внутри самоуправления и удивляло лояльное отношение ставки фюрера к территории, которую он запросто мог провозгласить своей, угнав, как в ряде других мест, население на принудительные работы в Германию, и превратив ее в укрепрайон, то Сталина и его окружение – нет. Они прекрасно понимали, что важно и выгодно – в политических целях – здесь, под Москвой, под носом у вождя, создать ощущение удовлетворенности людей жизнью, чтобы в самом сердце страны получить собственный анклав без единого немца на его территории и плюнуть в лицо союзникам и всему мировому сообществу, бросив: «Почему же так легко отказались они от идеи коммунизма? Может, не так – то и нужна им эта, навязанная большевиками, власть и эти, навязанные ими, порядки? Может, надо пересмотреть отношение к рейху и его якобы «оккупированным» территориям?»

Правда, никто из них не мог ответить ни себе, ни товарищам на вопрос, почему же не удалось за все годы Советской власти устроить точно такое же ощущение у людей им самим? Может потому, что задача так не стояла?

Так или иначе, люди действительно были довольны. На территорию Локотя приезжали немецкие кинодокументалисты, включая знаменитую Лени Рифеншталь, и снимали как

для немцев, так и для тех, кто, по их разумению, вот– вот должен оказаться под их пятой – о том, как не наигранна и доподлинно глубока радость русских людей, оказавшихся действительно освобожденными. И не надо стоять у них над душой с автоматом, пока идет съемка – ведь действительно счастлив тот, кто занят любимым делом. А, если при этом еще и получается не думать про хлеб насущный, то вообще жизнь удалась. Воскобойник и его окружение делали для этого все возможное.

Как бы парадоксально это ни звучало, но никто из местного начальства, включая присланных сюда все же для порядку немцев, не заботился о том, чтобы глушить советское радио или усиленно – как это обычно бывает на оккупированных территориях – насаждать пропаганду «прекрасного строя». Люди были не слепые, рассуждал Воскобойник, и без того все видели, а, по справедливому выражению Шекспира, «гремит лишь то, что пусто изнутри» – ярким доказательством тому служили постоянные радиопередачи из Москвы, в которых, захлебываясь от одной– единственной эмоции (по голосу больше похожей на звериную ненависть), Левитан то и дело вещал о «вражеских нападениях», «налетах», «страданиях жителей оккупированных территорий» и – тут же, минуту спустя – об «освободительном партизанском движении», «спасенных людях и территориях», «счастливых советских людях» и так далее. Антонина слышала все это и пребывала в состоянии шока – подумать только, еще вчера

эта же самая беспринципная ложь в исполнении все того же человека заставляла ее служить несправедливому строю, в том числе и с оружием в руках...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.